

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Джагрунов А.А.

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института-филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 343.24
ББК 67.409

В статье автором рассматриваются дискуссионные вопросы содержания целей уголовного наказания, их соотношения, а также значения для правоприменительной практики.

Ключевые слова: цели наказания, социальная справедливость, исправление осужденного, назначение наказания, правосудие.

Dzhagrunov A.A.

PURPOSES OF PUNISHMENT IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE UNDER CRIMINAL LAW

The author considers controversial issues of punishment purposes, their relationship, as well as the value for law enforcement.

Key words: goals of punishment, social justice, correction of the convicts, the purpose of punishment, justice.

Одним из наиболее дискуссионных в учении об уголовном наказании является вопрос о его целях, причем единства мнений ученых нет как в вопросе о количестве и сущности каждой из целей, указанных в законе, а также о необходимости их законодательного закрепления.

В ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации указаны три цели: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Восстановление социальной справедливости как цель наказания впервые нормативно закреплено именно в действующем кодексе. В кодексах советского периода данная цель отсутствовала, а в царской России цели наказания законом вообще не определялись. Следует отметить, что в работах ученых данная цель часто подвергается критике. Некоторые ученые отвергают саму необходимость законодательного закрепления данной цели [1, с. 165] другие указывают на то, что восстановительная (реститутивная) функция не присуща институту уголовного наказания [2, с. 315].

Есть и замечания относительно самой формулировки данной цели.

Так, Л.В. Сердюк, отдавая предпочтение термину «восстановление нарушенного права», пишет: «...понятие «восстановление нарушенного права» акцентирует внимание на правах и законных интересах потерпевшего. Современный же закон формулирует

цель уголовного наказания «восстановление социальной справедливости» двусмысленно. Не случайно суды сегодня понимают эту цель лишь как указание на вынесение справедливого наказания виновному. Восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевшего лежит на совести подсудимого (осужденного) и на его возможности загладить причиненный вред» [3, с. 15]. По нашему мнению, напротив, формулировка «восстановление социальной справедливости» представляется более предпочтительной, нежели «восстановление нарушенного права» по следующим причинам.

Во-первых, следует отчасти согласиться с Я.И. Гилинским в том, что восстановительная (реститутивная) функция в полной мере не присуща уголовному наказанию, это справедливо как по отношению к восстановлению социальной справедливости, так и к восстановлению нарушенного права.

Но восстановить нарушенное право путем применения уголовного наказания в ряде случаев в принципе невозможно. Ведь невозможно пусть и самым суровым наказанием восстановить право на жизнь или, скажем, право на здоровье в случае совершения преступления, предусмотренного статьей 111 УК РФ.

Во-вторых, использование формулировки «восстановление социальной справедливости» позволяет толковать данную цель наказания более широко, в этом она схожа с общепреventивной целью уголовно-

го наказания. Восстановление же нарушенного права сопоставимо с исправлением осужденного, поскольку потенциальное их достижение обеспечивается конкретным обвинительным приговором. Трудно согласиться с Л.В. Сердюком и в том, что восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевшего лежит на совести подсудимого (осужденного) и на его возможности загладить причиненный вред. При таком подходе вообще нивелируется восстановительный потенциал уголовного наказания, поскольку возможность какого бы то ни было восстановления перекладывается с плеч суда на совесть и возможности осужденного (подсудимого).

В судебной практике хватает примеров, когда подсудимыми потерпевшему возмещается материальный ущерб, компенсируется моральный вред, причиненный преступлением, но, в первую очередь для того, чтобы примириться с потерпевшим, в целях последующего заявления ходатайства о прекращении уголовного дела, либо же, если прекращение уголовного дела невозможно в силу положений закона, для того, чтобы суд учел это обстоятельство в качестве смягчающего. Еще больше случаев, когда ни совесть подсудимого, ни его возможности не способны сподвигнуть последнего на какие-либо восстановительные действия. Но это вовсе не означает, что права и законные интересы потерпевшего в данном случае будут проигнорированы, поскольку суд вправе взыскать с осужденного ущерб, причиненный преступлением, либо признать за потерпевшим право на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства с целью взыскания ущерба. Действительно, восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания трактуется в первую очередь как назначение справедливого наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления.

Так, В. Мальцев, в общем, признавая восстановление социальной справедливости целью наказания, определяет ее как назначение осужденному справедливого наказания и максимально возможную минимизацию посредством применения наказания общественно опасных последствий, причиненных преступлением [4, с. 37]. Похожее пишет и Г. Цеппаева: «Главным показателем достижения восстановительной цели в общем плане является справедливый приговор, удовлетворяющий общественное правосознание. С этих позиций общие цели восстановления социальной справедливости являются достижимыми, а его показатели поддаются измерению» [5]. Оценивая приведенные выше мнения, следует сказать, что однозначную позицию по данному вопросу выработать довольно сложно. Вряд ли уголовное наказание способно в полной мере восстановить нарушенное совершенным преступлением благо, право и т.д. С этой сто-

роны, действительно, речь скорее можно вести о справедливом совершенному преступлению эквиваленте в виде назначенного судом наказания. Однако, такое понимание обсуждаемой цели наказания, на наш взгляд, является неполным, восстановление социальной справедливости следует толковать несколько шире.

Наиболее удачно сущность данной цели на наш взгляд описал А.А. Арямов: «Термин социальная справедливость весьма абстрактен.

Его следует отличать от термина просто справедливость, как соразмерность деяния и воздаяния. Социальный характер справедливости придает учет таких моментов как интересы общества, государства, осужденного и потерпевшего. Поскольку перечисленные интересы в большей части противоположны, социальная справедливость заключается в том, чтобы при назначении наказания было установлено равновесие между всеми ними» [6, с. 92]. В то же время отметим, что равновесие между интересами общества, государства и отдельной личности должно устанавливаться не только на стадии назначения наказания, но и на стадии законодательного закрепления меры ответственности за совершение того или иного преступления. Представляется абсолютно бесспорным, что удельный вес тех или иных интересов разнится в зависимости от того, какое совершено преступление. Если говорить об одном человеке, скажем, потерпевшем, то тут чувство социальной справедливости сольется с чувством мести. Но чувство мести к преступнику может испытывать только потерпевший и близкие ему лица. Для матери убитого справедливым наказанием для убийцы будет смертная казнь либо пожизненное заключение. Государство же в лице судебных органов, напротив, не мстит преступнику. Виновному назначается наказание, но в рамках закона и исходя из целей, которые законом поставлены перед наказанием. Если же говорить об обществе в целом, то здесь предпочтительное значение будет иметь осознание того факта, что виновный наказан и «справедливость» восторжествовала. Любому из нас может казаться несправедливым, несоизмерным то или иное наказание, установленное государством, но, в общем и целом важнее знать, что преступник установлен и наказан. Приведем еще один пример.

Представим, что лицо совершило преступление, например, предусмотренное ст. 228 УК РФ. Потерпевшего здесь быть не может, а значит, чувство мести испытывать некому. Нельзя исключить и того, что для определенной части общества срыв листьев конопли в какой-нибудь городской роще или парке (что также образует состав преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ) не является чем-то таким уж страшным, чтобы применять за это уголовное наказание.

При этом мы не можем согласиться с утверждением С.И. Курганова о том, что нарушение закона есть одновременно отрицание идеи социальной справедливости, и в этом смысле преступление есть деяние, отрицающее справедливое устройство общественной жизни, дезорганизирующее ее [7, с. 10].

Все зависит от того, чьи интересы наиболее пострадали в результате совершения преступления, какая именно норма закона нарушена. Совершение преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, есть, скорее лишь нарушение запрета, установленного государством, но совсем не обязательно отрицание идеи социальной справедливости. Восстановление социальной справедливости, как цель наказания нельзя сводить к одной лишь соразмерности наказания совершенному преступлению, поскольку соразмерность эта своя у каждого, будь то законодатель, какая-то часть общества, общество в целом, либо потерпевший и осужденный, в частности.

Цель восстановления социальной справедливости должны быть закреплена в законе, ее содержание противоречиво, но именно в ней наиболее ярко проявляется важнейшая роль суда, заключающаяся в необходимости учета интересов частных и общих в процессе назначения уголовного наказания.

Неоднозначно трактуются в науке также цели исправления осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Некоторые ученые даже не рассматривают исправление осужденного как самостоятельную цель наказания. Так, А.Э. Жалинский полагает, что цель исправления осужденного представляет собой цель специального предупреждения преступлений и достигается, когда осужденный не совершает новых преступлений [8, с. 376]. М.Д. Шаргородский также полагал, что исправление является не самостоятельной целью, а средством достижения цели предупреждения преступлений [9, с. 31]. Противоположную позицию занимает В. Мальцев: «Начала, на которые опирается специальная превенция, более рациональны: целесообразность, эффективность и т.д. Потому даже теоретическая постановка вопроса о включенности «исправления осужденного» в специальное предупреждение предполагает поглощение гуманистических основ указанными рациональными началами. Практическое же исключение из части второй ст. 43 УК выражения «исправления осужденного» приведет к резкому снижению ее гуманистического потенциала» [4, с. 37]. Необходимо признать, что определенные сложности при разграничении данных целей наказания объективно имеются, это становится понятным в процессе уяснения сущности данных целей. По мнению В. Мальцева, «исправление осужденного – это такое положительное морально-правовое изменение личности осужденного, обусловленное

применением наказания, которое препятствует совершению им новых преступлений» [4, с. 39].

Некоторые связывают достижение цели исправления с периодом отбывания наказания. Так, по мнению Г. Цепляевой, «показателем достижения цели исправления является отказ осужденного от совершения нового преступления в период отбывания наказания и в пределах срока погашения судимости, а также отсутствие рецидива» [5]. Н.Ф. Кузнецова пишет, что «цель наказания в виде исправления считается достигнутой, если осужденный перестает быть рецидивоопасным» [10, с. 20]. Как видно, данные авторы связывают достижение цели исправления осужденного только с периодом отбывания наказания и погашением судимости. Данная позиция представляется нам неверной, поскольку исправление не должно быть ограничено временными рамками отбывания наказания и ликвидации юридических последствий судимости. Такое толкование противоречит самому смыслу, значению термина «исправление», под которым в русском языке понимается улучшение или изменение, что-либо исправляющее [11, с. 255].

Другие авторы подчеркивают необходимость наличия у осужденного положительного отношения к обществу, закону, государству, как неотъемлемому признаку достижения цели исправления. Так, В.А. Нерсисян пишет, что «цель исправления заключается в том, чтобы осужденный стал законопослушным, добропорядочным гражданином общества, уважающим труд и правила общежития» [12, с. 358]. По мнению А.Ф. Мицкевича, цель исправления осужденного можно считать достигнутой, если воспитательное воздействие наказания на нравственно-психологическую, волевою и эмоционально-чувственную сферы осужденного приведет к тому, что осужденный не будет совершать новых преступлений в силу наступивших изменений в его психике в виде негативного оценочного отношения к преступным формам поведения, положительного к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами» [13, с. 114]. Данную позицию разделяют и В.И. Селиверстов: «Достижение цели исправления предполагает привитие ему уважения к законам и нравственным основам поведения, формирование навыков правопослушного поведения и социально полезной деятельности» [14, с. 306], и Чугаев А.П., и Веселов Е.Г.: «показателем достижения цели исправления осужденного должна считаться не только пассивная позиция в виде несовершенства им новых преступлений, но и такие активные действия, которые свидетельствуют об изменении его взглядов и убеждений как во время отбывания наказания, так и по освобождении. Лишь переход бывшего общественно опасного лица в категорию социально неопасных

свидетельствует о достижении цели исправления» [15, с. 39-40].

К противоположному выводу приходит С.И. Курганов: «Поскольку уголовно-правовые нормы составляют низший, элементарный уровень правил человеческого общежития, то цель исправления можно считать достигнутой, если после отбытия наказания осужденный больше не совершает преступлений, независимо от мотивов правопослушного поведения – осознал ли он свое негативное поведение, раскаялся ли в содеянном, или же боится вновь подвергнуться наказанию. Исправить – значит добиться правопослушного поведения» [7, с. 12]. Очевидно, к сторонникам данной позиции можно отнести и С.В. Максимова, поскольку к критериям достижения цели исправления подсудимого он относит несовершение осужденным новых преступлений, не указывая при этом необходимости наличия у осужденного каких-либо положительных к этому мотивов [16, с. 228].

Общее в трактовке и понимании сущности исправления осужденного в приведенных выше мнениях в том, что осужденный более не совершает преступления, различие же в оценке важности мотивов, влияющих на несовершение преступления.

Предупреждение совершения преступлений в научной литературе понимается и трактуется, как правило, более или менее однозначно.

Так, традиционно данная цель наказания подразделяется на две составляющие: частное предупреждение (частная превенция) и общее предупреждение (общая превенция). Такое деление обусловлено направленностью действия цели. Цель общего предупреждения направлена на неопределенный круг лиц, на все общество. Достигается она посредством установления государством уголовной ответственности за совершение определенных деяний (преступлений), а также применением наказания к конкретному лицу, преступление совершившему. Некоторые ученые необоснованно, на наш взгляд, сужают круг действия цели общего предупреждения.

Так, С.И. Курганов пишет: «вообще говоря, действительным адресатом этой цели являются не все граждане, а только неустойчивые, т.е. те, кто не совершает преступлений только из-за страха перед наказанием. Большинство же людей не совершают преступлений в силу внутренних убеждений, для них устрашение не имеет мотивирующего значения» [7, с. 12]. Данное утверждение представляется нам неверным. С.И. Курганов необоснованно, по мнению автора, исключает из адресата действия цели общего предупреждения большую часть (хочется верить) общества, т.е., так называемых «устойчивых».

Более последовательным представляется мнение А.П. Чугаева и Е.Г. Веселова, справедливо подчерки-

вающих, что совершение преступления детерминировано целым рядом обстоятельств, а «устойчивость» либо «неустойчивость» лица, его положительная либо отрицательная характеристика не являются гарантией от совершения им преступления [15, с. 41].

Видимо, А.П. Чугаев и Е.Г. Веселов имели в виду, что любой, даже самый устойчивый, законопослушный, добросовестный и положительно характеризующийся человек в принципе способен совершить преступление, с чем согласен и автор. Следует отметить, что абсолютное достижение цели общей превенции вряд ли возможно. Это подтверждается тем, что количество регистрируемых преступлений остается очень высоким, а также общеизвестной криминологической аксиомой, состоящей в том, что преступность – явление социальное, полностью искоренить ее невозможно, государство лишь может удерживать ее в минимально возможных границах.

Смысл частной превенции заключается в том, чтобы посредством применения наказания к лицу, признанному виновным в совершении преступления пресечь совершение им преступления (преступлений) в дальнейшем.

По мнению автора, собственно исправление будет иметь место лишь тогда, когда осужденный не совершает преступления повторно в связи с выработкой внутреннего уважения к закону, обществу и государству. Если осужденный не совершает преступления по иным мотивам, то речь идет о достижении цели частного предупреждения. У данных целей наказания внешне один и тот же результат – осужденный не совершает более преступлений, но различие состоит во внутренней мотивации. Таким образом, проводится грань между данными целями наказания, что соответствует грамматическому толкованию самих понятий «исправление осужденного» и «предупреждение совершения преступлений». Трудность заключается в том, что внешне они будут проявляться одинаково – несовершение осужденным преступлений, и внешне сложно определить, какая именно цель достигнута. Однако, по-нашему мнению, это не является основанием для исключения из текста закона тех или иных целей, поскольку сложность определения того, какая именно цель достигнута, вовсе не означает, что данные цели не отличны друг от друга. Важно другое – это приводит к выводу, что исправление подсудимого и частная превенция не могут быть достигнуты одновременно.

В вопросе о целях наказания важнейшим является потенциальная возможность их достижения. В противном случае цели наказания теряли бы свою практическую значимость, оставаясь лишь декларацией, «достоянием» науки. Суд, назначая наказание лицу, признанному виновным в совершении преступления,

должен сделать это так, чтобы наказание могло обеспечить достижение целей, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Мы, однако, уже определились с тем, что достижение исправления подсудимого и частное предупреждение не могут быть достигнуты одновременно. Если осужденный в период отбывания наказания, а также после его отбытия не совершил преступления, то значит, достигнута одна из вышеуказанных целей – либо исправление, либо частное предупреждение, в противном случае – не достигнута ни одна из целей. Уголовным законом закреплено три цели, но с учетом деления цели предупреждения совершения преступлений на частное и общее предупреждение, их – четыре. Общая превенция, как известно, действует как бы «по умолчанию», поскольку средствами ее достижения является уже само наличие уголовного закона, содержащего перечень деяний, запрещенных под угрозой применения наказания, а также правоприменительная деятельность органов уголовной юстиции, а в особенности – суда, назначающего наказание за совершение преступлений. Таким образом, напрашивается вывод: потенциально одновременно достижимыми могут быть только две цели наказания: восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, либо восстановление социальной справедливости и частное предупреждение. Подтверждением тому служит и тот факт, что в частных случаях, достижение одной из целей (либо частное предупреждение, либо исправление) невозможно в принципе.

Так, относительно разграничения этих целей А.Ф. Мицкевич обоснованно указывает на то, что в отличие от специального предупреждения, достигаемого за счет устрашения «воспитательное воздействие наказания, результатом которого является исправление преступника, имеет в виду вытеснение из сознания всего того, что явилось причиной совершения преступления. В процессе такого воздействия уголовного наказания в сознании осужденного может происходить замена негативных установок и ценностей на социально полезные или социально-нейтральные представления, установки, чувства, навыки и привычки» [13, с. 131]. Данное утверждение в целом верно, по крайней мере, оно, в общем, отвечает представлениям автора. Однако все мы знаем, что каждое преступление индивидуально, индивидуальны и причины, мотивы его совершения. На практике возможна ситуация (и довольно часто), когда преступление было совершено не из-за негативных установок и ценностей, а как раз наоборот; например, в случае совершения преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны. При таких обстоятельствах вполне возможно, что осужденному, отбывающему наказание, и менять-то нечего будет, в виду отсутствия у него негативных установок и цен-

ностей изначально. Поскольку различие между частным предупреждением и исправлением носит субъективный характер, то можно заключить, что в описанной ситуации изначально возможно достижение лишь цели частного предупреждения.

Задача суда назначить такое наказание, которое в принципе способно данных целей достичь. Трудность заключается в том, что на практике добиться этого практически невозможно. Каким образом судья определяет оптимальное наказание? На основании правил, ограничений, определенных законом и с учетом своего мнения. Судья, назначая наказание должен также исходить из необходимости достижения целей наказания. Но абсолютно объективно, что уделить равное внимание пусть и двум целям наказания невозможно. Это свидетельствует о том, что закрепленные в законе цели наказания находятся в системном противоречии. Одна из целей наказания всегда будет, пусть и частично, «принесена в жертву» другой. Это обусловлено не только субъективным мнением судьи, но и самим характером целей наказания, уголовным законом. Например, судом назначено наказание осужденному за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 6 лет. В соответствии с ч. 3 ст. 79 УК РФ осужденный может быть условно-досрочно освобожден от дальнейшего отбывания наказания после отбытия 3-х летнего срока.

В соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. В данной норме закон учитывает только цель исправления осужденного, не беря в расчет не менее важную цель восстановления социальной справедливости. Предполагается, что суд, вынося приговор и назначая наказание в виде 6 лет лишения свободы, учитывал и цели наказания. Если данный осужденный будет освобожден условно-досрочно, значит, по мнению суда, цель исправления осужденного достигнута, но одновременно с этим суд, вынося соответствующее постановление, «нарушает» восстановленную приговором суда социальную справедливость. Не содержит Уголовный кодекс РФ и указания на иные цели кроме как исправления осужденного и в ст. 73, регламентирующей применение условного осуждения. По этому поводу К. Михайлов пишет: «... с теоретической точки зрения убежденности суда в возможности одного лишь исправления осужденного без отбывания наказания для применения условного осуждения недостаточно. Необходимо также, чтобы суд был убежден в возможности достижения и других целей наказания. Полагаем, что только достижение всех целей

наказания является основанием любого освобождения от наказания или его отбывания» [17, с. 60].

Мы пришли к обоснованному выводу о том, что достижение всех целей наказания одновременно в современной их законодательной формулировке законом не представляется возможным. В то же время представляется неверным и вывод о необходимости их игнорирования.

Так, по мнению А.Г. Безверхова, правосудие не может ориентироваться одновременно на несколько не всегда взаимосвязанных между собой целей без вреда для процесса принятия судебного решения, и должно быть освобождено от такой обязанности [18, с. 16].

По нашему мнению исключение целей наказания из текста закона, освобождение судебных органов от их учета при принятии судебного решения недопустимо, поскольку помимо важнейшего доктринального значения, которое имеет законодательное закрепление целей наказания, достижение некоторых из них (пусть и определяемое самостоятельно судьей на основе своего убеждения) в определенных случаях является основанием для применения того или иного уголовно-правового института, например, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

К тому же отсутствие законодательно закрепленных целей наказания, приводит к выводу о том, что наказание применяется во имя самого наказания, что объективно не соответствует изначальной целеполагательной сути самого наказания. Наказание без цели – не наказание, а всего лишь кара. Но даже в таком случае имела бы цель его применения – покарать преступника.

Цели наказания действительно диалектически противоречивы, но ведь и само уголовное наказание противоречиво по своей сути. С одной стороны, наказание всегда направлено в прошлое – оно назначается в связи с совершением действий и наступлением в их результате событий, уже ставших достоянием истории. С другой, наказание всегда имело целью достижение определенных результатов в будущем – сначала просто удержание от совершения наказуемых деяний других (устрашение), затем, с развитием общества и исправление осужденного, и превенция. Абсолютно логично, что и цели наказания отвечают тем же признакам. Закрепление же в законе таких противоречивых целей напротив, говорит об осознании законодателем сущности уголовного наказания.

Также представляется немаловажным и то, чтобы сами тексты приговоров содержали указание на все цели наказания. К сожалению, в настоящий момент нередко суды в текстах приговоров указывают лишь исправление подсудимого.

Так, Бадов Р.В. осужден Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону по п.п. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, без штрафа и без ограничения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В мотивировочной части приговора суд указал следующее: «Определяя вид и размер наказания подсудимому Бадову Р.В., суд учитывает характер и степень общественной опасности содеянного, личность подсудимого, который по месту содержания характеризуется положительно, в содеянном раскаивается, его явку с повинной, что принимается судом в качестве смягчающих наказание обстоятельств. Обстоятельством, отягчающим наказание подсудимого Бадова Р.В., суд признает рецидив преступлений. С учетом изложенного, суд считает, что исправление и перевоспитание подсудимого Бадова Р.В. невозможны без изоляции от общества и решает назначить ему наказание в виде лишения свободы» [19].

Как видно, суд в мотивировочной части приговора указал на цели исправления и перевоспитания осужденного. Следует обратить внимание на то, что действующий Уголовный кодекс не ставит перед наказанием цель перевоспитания осужденного, следовательно, указание на данную цель в тексте приговора, являющегося официальным документом органа государственной власти – неуместно. Кроме того, с точки зрения формально-юридического подхода, ссылка суда при решении вопроса о мере наказания на цель, не закрепленную законом, можно расценивать как нарушение норм материального права и основание для изменения приговора вышестоящим судом и исключения из текста приговора указания на данную цель. Закрепленные в ст. 43 УК РФ цели наказания являются правовым императивом, установленным законодателем, нормой действующего закона. Предполагается также необходимостью ссылка на все цели наказания, хотя бы в общем виде. Наглядно это может выглядеть следующим образом: «Суд считает, что достижение целей наказания невозможно (возможно) без изоляции от общества и решает назначить ему наказание в виде лишения свободы (штрафа)».

На первый взгляд данное замечание может показаться не столь важным. Однако в вопросах назначения наказания ничего незначительного быть не может. Кроме того, указание в приговоре целей восстановления социальной справедливости и исправления осужденного имеет помимо прочего важное доктринальное значение.

В целом следует отметить, что повышение требований к тексту приговора – залог обеспечения более ответственного отношения к приговорам самих судей, повышенного внимания к мотивировке в тексте приговора вопросов назначения наказания.

Литература:

1. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность. Ставрополь, 2002.
2. Гилинский Я.И. Криминология: курс лекций. СПб., 2002.
3. Сердюк Л.В. Социальная справедливость как принцип и как цель в практике применения уголовного закона // Российская юстиция. 2011. № 7.
4. Мальцев В. Цели уголовного наказания // Уголовное право. 2010. № 6.
5. Цепляева Г. О целях, функциях и системе наказания // Уголовное право. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании. Диссертация доктора юридических наук. СПб., 2004.
7. Курганов С.И. Наказание: Уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: ТК Велби, Издательство: Проспект. 2008. 105 с.
8. Жалинский А.Э. Понятие, виды и цели наказания. Уголовное право России в 2-х томах. Том 1: общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1999.
9. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973.
10. Курс уголовного права. Общая часть, Т.2. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова С.И., Шведовой М.Ю. М., 1999.
12. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога. М.: Инфра-М: Контракт, 2006. 553 с.
13. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание. Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
14. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под общ.ред. В.И. Радченко. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004.
15. Чугаев А.П., Веселов Е.Г. Назначение наказания. Научно-практическое пособие. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008.
16. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Инфра-М, 2005.
17. Михайлов К. Применение условного осуждения и цели наказания // Уголовное право. 2008. № 2.
18. Безверхов А.Г. О законодательном закреплении дефиниции уголовного наказания // Российская юстиция. 2010. № 12.
19. Архив Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону. Уголовное дело № 1-82/12 [Элек-

тронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. Pudovochkin Yu.E. Liability of juveniles in criminal law: history and modern times. Stavropol, 2002.
2. Gilinskii Ya.I. Criminology: a course of lectures. SPb., 2002.
3. Serdjuk L.V. Social justice as a principle and target in criminal law // Russian justice. 2011. № 7.
4. Maltsev V. Goals of punishment under criminal law // Criminal law. 2010. № 6.
5. Tseplyaev G.O. On goals, functions and the system of punishment // Criminal law. 2007. № 3 [e-resource]. Access from reference-legal system «ConsultantPlus».
6. Aryamov A.A. General theoretical basics of the teachings on criminal punishment. Dissertation of Doctor of Sciences (Law). SPb., 2004.
7. Kurganov S.I. Punishment: Criminal-legal, criminal-correctional and criminological aspects. M.: TC Welby, Publishing: Prospect. 2008. 105 p.
8. Zhalinsky A.E. The concept, types and purposes of punishment. Criminal law in Russia in 2 vols. Volume 1: general part / ed. by A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikova. M., 1999.
9. Shargorodsky M.D. Punishment, its goals and effectiveness. L., 1973.
10. A course of criminal law. General part, V.2. / Ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M., 1999.
11. Russian explanatory dictionary / ed. by Ozhegov S.I., Shvedova M.Yu. M., 1999.
12. Criminal Law of the Russian Federation: general part / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog. M.: Infra-M: Contract, 2006. 553 p.
13. Miskevich A.F. Criminal penalties. Monograph. SPb.: t. Petersburg: Press Juridicheskii Center Press, 2005. 329 p.
14. Criminal law. General Part: coursebook / ed. by V.I. Radchenko. M. ZAO Justicinform, 2004.
15. Chugaev A.P., Veselov E.G. Sentencing. Scientific and practical guide. M.: «Yurlitinform» Publishing, 2008.
16. Criminal Law of the Russian Federation: general part / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, M.: Infra-M: 2005.
17. Mikhailov, K. Application of probation and purpose of the punishment // Criminal Law. 2008. № 2.
18. Bezverkhov A.G. On the legislative consolidation of the definition of criminal punishment // Russian justice. 2010. № 12.
19. Archive of the Pershamaiski district court in Rostov-on-Don. The criminal case № 1-82/12 [e-resource]. Access from ref-legal system «ConsultantPlus».